

После того, как Цао Е высказался, интервью продолжилось. Лян Сычжэ перестал создавать проблемы и вернулся к своему обычному стилю общения.

У Лян Сычжэ был свой подход к интервью. Когда речь шла о фильме, он отвечал уверенно и профессионально, а когда затрагивались другие темы, любил пошутить. Поэтому интервью проходило в хорошем темпе, и, за исключением фрагмента о драке, который нужно было вырезать, остальной материал можно было использовать для рекламы без изменений.

Внезапно Цао Е вспомнил, как несколько лет назад после того, как «Река Ваньчуань» получила награду, количество слухов о предполагаемых романах Лян Сычжэ резко возросло. В то время социальные сети были на пике популярности, и, хотя он старался не обращать внимания на новости о Лян Сычжэ, полностью избежать их было невозможно.

Однажды, просматривая социальные сети, он наткнулся на комментарий одной женщины-кинокритика, на которую он был подписан. Она писала о Лян Сычжэ: «Легкомысленный и серьёзный, распушенный и сдержанный, противоречивый и в то же время притягательный». Этот короткий комментарий получил огромное количество репостов. Тогда он быстро пролистал эту новость, но сейчас, неожиданно для себя, вспомнил её слово в слово.

Цао Е стоял в нескольких шагах позади камеры и хорошо видел изображение на маленьком экране. Свет был выставлен идеально, и в тот момент, когда Лян Сычжэ с мокрыми волосами смотрел на свою рану, он выглядел таким уязвимым, но, подняв голову, он снова стал прежним — уверенным и невозмутимым.

Цао Е вспомнил, как Лян Сычжэ слегка наклонил голову, словно изучая его выражение лица, и тихо спросил: «Ты что, правда разозлился?»

В его голосе слышалась снисходительность, как будто он разговаривал с ребёнком.

За эти годы они виделись несколько раз, и это ощущение возникало постоянно. Во времена Иньсы это было не так заметно: они общались как ровесники. Но позже, когда он снова встретил Лян Сычжэ, тот смотрел на него и разговаривал с ним так, словно воспринимал его как ребёнка. Хотя он был всего на два года и три месяца старше.

Видя, что Лян Сычжэ спокойно даёт интервью, и его помощь больше не требуется, Цао Е решил уйти. Не желая мешать, он подошёл к Сун Цинъянь и тихо сказал ей на ухо:

— Я, пожалуй, поеду.

— Хорошо. — Сун Цинъянь тут же подняла на него взгляд. — Я вас провожу.

— Не нужно. Следи за интервью. — Цао Е посмотрел на Лян Сычжэ.

Когда Цао Е повернулся, чтобы уйти, дождь всё ещё шёл, барабанил по навесу. Он вдруг вспомнил, что у него нет зонта. Сюда его привёл под зонтом Сюй Аньцяо, но сейчас он куда-то пропал. Цао Е огляделся, но нигде его не увидел.

Дождь стал тише, и можно было просто добежать до машины, но он всегда ненавидел ощущение мокрой одежды на теле и не хотел выходить под дождь без крайней необходимости.

Цао Е вспомнил, что последний раз он промок под дождём десять лет назад. Тогда тоже было четыре или пять часов утра, только начинало светать. Он стоял у входа в «Лазурную вечеринку», узкая улочка выглядела серой и унылой. Всё здание «Лазурной вечеринки» было погружено в сон. Он вышел на улицу, с камерой за спиной, и пошёл под дождём по улице Иньсы, которая казалась ему бесконечно длинной. Он долго шёл, прежде чем поймал такси. К тому времени он уже успел промокнуть насквозь, и водитель не хотел его сажать, боясь, что он испачкает сиденья. Пришлось доплатить, чтобы тот согласился.

Из-за бессонной ночи и дождя он сильно простудился: слёг с температурой и кашлем, и долго не мог выздороветь.

Он до сих пор помнил это неприятное ощущение мокрой одежды, прилипшей к телу. Ему становилось не по себе только от одних этих воспоминаний.

Он уже собирался попросить зонт у кого-нибудь из съёмочной группы, когда услышал голос Лян Сычжэ:

— У тебя нет зонта?

Цао Е обернулся. Он не знал, когда Лян Сычжэ закончил давать интервью и успел подойти к нему.

— Ага. Есть лишний? — спросил он.

— Я тебя провожу. — Лян Сычжэ протянул руку к Сун Циньянь, взял у неё зонт и сказал: — Подожди здесь, я скоро вернусь.

— Не нужно, не нужно, — замахала руками Сун Циньянь. Она не смела просить Лян Сычжэ возвращаться за ней. — У меня в сумке есть маленький зонтик. Я дойду. Сычжэ-гэ, проводи господина Цао до машины и уезжай.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, раскрыл чёрный зонт и посмотрел на Цао Е. — Пойдём. Где твоя машина?

— Рядом с трейлером съёмочной группы, — ответил Цао Е и пошёл за ним.

Когда Лян Сычжэ шёл к нему под зонтом с Сун Циньянь, зонт казался большим, но сейчас, когда под ним стояли двое высоких мужчин, его размера явно было недостаточно.

Ручка зонта была заметно наклонена в его сторону, и Цао Е стало немного не по себе. За все эти годы никто к нему так не относился. Линь Янь, Чи Миньяо и другие друзья тоже были добры к нему, но это была дружеская, беззаботная доброта.

Но доброта Лян Сычжэ была другой: ненавязчивой, проявляющейся в мелочах, которую легко было упустить, если не обращать внимания. А Лян Сычжэ, казалось, было всё равно, заметят ли его заботу или нет. Десять лет назад он от имени Цао Сююаня тайком установил для него кондиционер, а десять лет спустя под дождём, словно невзначай, держал над ним зонт в дождливую ночь. Цао Е не мог объяснить, чем отличалась эта доброта, но от поступков Лян Сычжэ у него щемило сердце. И снова в голове всплыла та фраза: «Ну зачем же так?»

«Ладно, раз уж мы помирились, значит помирились», — подумал Цао Е, глядя на длинные пальцы, сжимающие ручку зонта. У Лян Сычжэ тогда тоже были свои причины, а он вёл себя по-детски, пытаясь заставить его встать на свою сторону. По правде говоря, он не мог заставить себя ненавидеть Лян Сычжэ. Хотя раньше он и бросался словами, вроде «буду последним дураком, если снова подружусь с Лян Сычжэ», теперь, когда тот сам предложил помириться, все эти слова оказались пустым звуком.

Под одним зонтом они стояли так близко, что касались друг друга плечами. Сначала оба молчали, и шум падающего на зонт дождя казался им слишком громким.

Цао Е вспомнил свой разговор с Сюй Аньцяо и с любопытством спросил:

— Почему ты тогда ударил журналиста?

— А какая ещё может быть причина для драки? Просто разозлился и ударил, — взглянув на него, спокойно ответил Лян Сычжэ. — Так же как ты тогда ударил того продюсера.

— Я тогда... — начал Цао Е. «Я тогда сделал это ради тебя». Он осекся на полуслове, не желая вспоминать тот случай. Он был молод и глуп, ничего не понимал и поэтому всё испортил.

— Что «тогда»? — Лян Сычжэ посмотрел на него, слегка приподняв брови.

— Ничего. Мы же о тебе говорим, не переводи стрелки на меня.

Лян Сычжэ улыбнулся и, не отвечая на вопрос, сменил тему:

— Ты не устал?

— Все в порядке.

— Ты не спал всю ночь. Ехать за рулём в таком состоянии — это, знаешь ли, нарушение правил.

— Хочешь на меня донести?

— Не хочу. А вот пригласить тебя поужинать — это же не будет слишком, правда?

— Где в такое время мы найдём открытое кафе?

— Можем перекусить в машине. Пока поедим — рассветёт. Если ты хочешь уехать, я тебя не держу.

Цао Е заинтересовало его предложение. До этого он не чувствовал голода, но, как только Лян Сычжэ упомянул об этом, он понял, что действительно хочет есть. Мысль о том, что нужно будет проехать ещё несколько десятков километров до дома, вызывала у него головную боль.

«Может, вызвать водителя?» — подумал он.

— Ты же хотел узнать, почему я тогда ударил журналиста? — продолжил Лян Сычжэ. — Я не то, чтобы не хотел тебе рассказывать, просто это долгая история, и я не знаю, с чего начать. Давай поговорим в машине, за едой.

— Ладно, — согласился Цао Е.

Зайдя внутрь, Цао Е сразу понял, что этот был не арендованный съёмочной группой, а его собственный трейлер. Иначе в нём не было бы столько вещей. На первый взгляд он ничем не отличался от небольшой, уютно обставленной квартиры.

Впрочем, это было неудивительно. Лян Сычжэ постоянно снимался, и трейлер был для него необходимостью.

— Я пойду в душ, ты посиди пока тут. — Лян Сычжэ поставил зонт у двери, чтобы он высох, и, взяв с полки пару тапочек, бросил перед ним. — Переобуйся.

Цао Е переобулся и зашёл внутрь. Ощущение домашнего уюта стало ещё сильнее.

Лян Сычжэ тоже переобулся и взял с вешалки чистую одежду, собираясь в душ. Взгляд Цао Е упал на повязку на его руке. Она промокла под дождём.

Цао Е вспомнил наклонённый зонт и вздувшиеся во время перевязки вены на руке Лян Сычжэ. На душе стало ещё тяжелее. У него были странные ощущения, смесь разных чувств.

— Твоя повязка промокла, — сказал он Лян Сычжэ. — Может, позвать врача, чтобы он её сменил?

Лян Сычжэ посмотрел на свою руку, другой рукой снял повязку и бросил её в мусорное ведро.

— Перевяжу после душа, — сказал он безразличным тоном.

Лян Сычжэ зашёл в ванную. Как только дверь закрылась, появилась Сун Цинъянь с зонтом. Зайдя внутрь, она сложила зонт и поздоровалась с Цао Е:

— Господин Цао, вы тоже здесь?

— Да. Врач ещё тут? — спросил Цао Е у двери, собираясь выйти и позвать врача.

— Он уже ушёл. А что случилось?

— Ушёл? — Цао Е нахмурился. — Повязка промокла под дождём, и Лян Сычжэ её снял.

— Что? — опешила Сун Цинъянь. — Рану же только что перевязали... — Она с беспокойством посмотрела в сторону ванной и крикнула: — Сычжэ-гэ! Врач просил тебя быть осторожнее!

— Сун Цинъянь, — позвал её Лян Сычжэ из ванной.

— Да!

— Разогрей еду. Две порции, — сказал он из-за двери.

— Хорошо! — ответила Сун Цинъянь и, достав из ящика под телевизором йод и бинты, сказала Цао Е: — Я сама перевяжу Сычжэ-гэ. Хорошо, что песок и всё остальное уже удалили... Господин Цао, присаживайтесь. — Она положила йод и бинты на стол и, не забывая об учтивости, добавила: — Еда скоро разогреется.

Цао Е кивнул и подошёл к длинному дивану. Внутреннее пространство трейлера было небольшим, только один диван занимал половину гостиной. Диван был мягким, и сидеть на нём

было очень удобно. Цао Е подумал, что, если бы он сам проектировал интерьер этого трейлера, он бы тоже отвёл большую часть пространства под диван. Ощущение погружения в мягкие подушки дивана всегда его расслабляло, поэтому он любил диваны даже больше, чем кровати. Например, сейчас, удобно устроившись на диване, откинув голову на спинку, он почувствовал приятную дремоту.

Из микроволновки, куда, вероятно, поставили разогреваться еду, доносился аппетитный запах. Звук льющейся в душе воды смешивался с барабанной дробью дождя по окнам. И звуки, и запахи способствовали расслаблению. Цао Е откинулся на спинку дивана, слушая шум дождя, и его всё сильнее клонило в сон.

В полудрёме он невольно сполз набок, положив голову на мягкий подлокотник.

«Вздремну немного, — сказал он себе, — и сразу проснусь».

Лян Сычжэ вышел из душа. Сун Цинъянь стояла у стола и смотрела в сторону дивана. Услышав звук открывающейся двери, она повернулась к Лян Сычжэ и шёпотом сказала:

— Сычжэ-гэ, кажется, господин Цао уснул...

Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е, лежащего на диване. Казалось, он крепко спал, ровно дыша, не обращая внимания на окружающие звуки.

— Всего за несколько минут... — Сун Цинъянь не могла в это поверить. — Будить его, чтобы он поел?

— Пусть спит, — подумав, сказал Лян Сычжэ. — Проснётся — поедим. — Он тихо подошёл к выключателю и выключил верхний свет, оставив только тусклый настенный светильник в кухонной зоне.

— Отнеси свою еду в комнату, — сказал он Сун Цинъянь. — Поешь и тоже немного отдохни.

— Хорошо, — кивнула Сун Цинъянь. — Давай я перевяжу тебе руку?

— Я сам обработаю рану, — ответил Лян Сычжэ и направился к журнальному столику за йодом.

Он всегда был упрямым, и никто не мог его переубедить, если он что-то решил. Сун Цинъянь знала его характер и, взяв еду, пошла в одну из спален.

Перед тем как закрыть дверь, она невольно посмотрела на гостиную. Лян Сычжэ стоял у столика с йодом в руках и смотрел на Цао Е. В тусклом свете это выглядело как кадр из фильма.

Мягкий свет настенного светильника окутывал молодого актёра, ставшего знаменитым в юном возрасте и закаленного вниманием СМИ и общественным мнением. Возможно, это была всего лишь иллюзия, но Сун Цинъянь показалось, что в этот момент Лян Сычжэ выглядел необыкновенно нежным.

Закрывая дверь, она невольно задумалась: «О чём думает Лян Сычжэ? Они с Цао Е старые знакомые? Должно быть, да. Ведь Лян Сычжэ стал знаменитым благодаря Цао Сююаню, а Цао Е был его единственным сыном. При таких обстоятельствах они просто не могли не знать друг друга. К тому же они обращались друг к другу по имени, что явно указывало на их близкие отношения. Но в то же время в их общении чувствовалась какая-то отстранённость, которая не позволяла понять, каковы их истинные отношения».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130268>